

Михаил Иосифович Веллер
Оружейник Тарасюк

Серия «Легенды Невского проспекта»

Серия «1. Саги о героях», книга 7

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120164

Михаил Веллер Легенды Невского проспекта: АСТ, АСТ Москва,

Харвест; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-050459-6, 978-5-9713-7365-0, 978-985-16-4184-6

Содержание

1. Загробный страж	4
2. Партизан	7
3. Курсант	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Веллер

Оружейник Тарасюк

1. Загробный страж

Биологическая селекция членов Политбюро была окутана большей тайной, чем создание философского камня; хотя несоизмерима с ним ни по государственной важности, ни по расходам. Когда хозяин Ленинграда и секретарь обкома товарищ Романов выдавал замуж свою дочь, так Луи XV должен был зашататься на том свете от зависти. Пир был дан в Таврическом дворце, среди гобеленов и мраморов российских императоров, и через охрану секретных агентов не проскочила бы и муха. Кушать ананасы и рябчиков предполагалось с золота и фарфора царских сервизов. Вот для последней цели и было велено взять из запасников Эрмитажа парадный сервиз на сто сорок четыре персоны, унаследованный в народную сокровищницу от императрицы Екатерины Великой.

Последовал звонок из Смольного: сервиз упаковать и доставить. Хранительница отдела царской посуды, нищая искусствоведческая крыска на ста сорока рублях, дрожащим голосом отвечала, что ей требуется разрешение директора Эрмитажа академика Пиотровского. Потом она рыдала, му-

соля сигаретку «Шипка»: севрский шедевр, восемнадцатый век!.. перебыют! вандалы! и так все распродали...

Академик известил, обмирая от храбрости: «Только через мой труп». Ему разъяснили, что невелико и препятствие.

Пиотровский дозволился лично до Романова «по государственной важности вопросу». Запросил письменное распоряжение министра культуры СССР. Но товарищ Романов недаром прошел большой руководящий путь от сперматозоида до члена Политбюро и обращаться со своим народом умел. «Это ты мне предлагаешь у Петьки Демичева разрешения спрашивать? – весело изумился он. – А хочешь, через пять минут тебя попросит из кабинета на улицу новый директор Эрмитажа?»

Пиотровский был кристальной души и большим ученым, но тоже советским человеком, поэтому он, не кладя телефонную трубку, вызвал «скорую» и уехал лежать в больнице.

За этими организационными хлопотами конец дня перешел в начало ночи, пока машина из Смольного прибыла, наконец, к Эрмитажу. И несколько крепких ребят в серых костюмах, сопровождаемые заместителем директора и заплаканной хранительницей, пошли по гулким пустым анфиладам за тарелками для номенклатурной трапезы.

Шагают они, в слабом ночном освещении, этими величественными лабиринтами, и вдруг – уже на подходе – слышат: ту-дух, ту-дух... тяжкие железные шаги по каменным плитам.

Мерный, загробный звук.

Они как раз проходят хранилище средневекового оружия. Секиры и копья со стен щетинятся, и две шеренги рыцарей в доспехах проход сторожат.

Ту-дух, ту-дух!

И в дверях, заступая путь, возникает такой рыцарь.

В черном нюрнбергском панцире. Забрало шлема опущено. В боевой рукавице воздет иссиня-зеркальный меч толедской работы. И щит с гербом отблескивает серебряной чеканкой.

И неверной походкой мертвеца, грохоча стальными башмаками и позванивая звездчатыми шпорами, движется на них. И в полуночной тишине они различают далекий, жуткий собачий скулеж.

Процессия, дух оледенел, пятится на осевших ногах.

А потревоженный рыцарь бешено рычит из-под забрала и хрипит гортанной германской бранью. Со свистом описывает мечом сверкнувшую дугу – ту-дух! ту-дух!.. – наступает все ближе...

Задним ходом отодвигаются осквернители, и кто-то уже описался.

2. Партизан

В сорок втором году Толику Тарасюку было десять лет. Отец его сгинул на фронте, а мать погибла в заложниках. Мальчонка прибился к партизанскому отряду. В белорусских лесах было много таких отрядов: треть бойцов, а остальные – семьи из сожженных деревень.

Мальчишки любят воевать. А солдаты, любя их, ценят их отчаянную лихость. Этот же, маленький и тихий, был просто прирожденным бойцом: рука тверже упора, и глаз как по линейке. И полное отсутствие нервов. Из винтовки за сто метров пульей гвозди забивал.

Использовали иногда пацанов для связи и разведки. Но талант Тарасюка котировался выше. И ему нашли особое место в боевом расписании.

Сейчас плохо представляют себе жестокости той войны. Если немцы расстреливали, вешали и сжигали в домах, то партизаны захваченных пленных, например, обливали на морозе водой и ставили ледяные фигуры с протянутой рукой в качестве указателей на дорогах, а в рот всовывались отрезанные части, и табличка на груди поясняла: «Фриц любит яйца».

Основным партизанским занятием было грабить склады: продовольствие, амуниция, оружие – сочетание самоснабжения с уроном врагу. Еще полагалось взрывать железные до-

роги и мосты. Все это охранялось. А приступить к делу возможно только без шума. Поэтому умение снимать часовых особенно ценилось.

Полосы отчуждения перед немецкими объектами были наголо очищены от леса, и подобраться незаметно практически исключалось. А близко часовые не подпускали никого ни под каким предлогом.

И вот брел откуда-то маленький плачущий мальчишка, кутаясь от холода в большой не по росту ватник. Завидев часового, он жалобно просил: «Брот, камарад, брот!..» и показывал золотые карманные часы – отдает, значит, за кусок хлеба. Часовому делалось жалко замерзшего голодного ребенка... и, похоже, часы были дорогие. Он оглядывался, чтоб не было начальства, подпускал мальчика подойти, и брал часы рассмотреть. Мальчик, качаясь от слабости, на миг прислонялся к нему и через карман ватника стрелял в упор из маленького дамского браунинга.

Приглушенный одеждой хлопок был почти неслышен. Пистолетик был маломощной игрушкой. Крохотную никелированную пульку требовалось загнать точно в центр солнечного сплетения. Поднимать руку до сердца – долго и мешкотно, немец мог успеть среагировать.

Часовой оседал, убитый наповал. Надо было придержать его каску и автомат, чтоб не брякнул металл при падении.

И этот десятилетний (через год войны – уже одиннадцатилетний) мальчик снял таким образом *двадцать восемь-*

часовых. Не у всякого орденоносца-снайпера на передовой был такой счет.

Лишь раз рука его дрогнула. Немец был немолодой, очкастый, из тыловых охранных частей. Не снимая правой руки с ремня карабина за плечом, левой он отвел часы и вытащил из кармана шинели завернутый в вощаную бумажку кусок шоколада. На левой руке не было мизинца. Мальчик невольно задержал взгляд на этой беспалой руке с шоколадом, и выстрел, кажется, пришелся не совсем точно. Глаза немца, вместо того чтобы сделаться неживыми, закрылись, он сложился и упал. Но лежал без движения, а партизаны из укрытия уже подбегали беззвучно, и сознаться в своем сомнении, править контрольным выстрелом мальчишке было стыдно, мешало бойцовское самолюбие профессионала: нечистая работа.

В сорок четвертом – Десять Сталинских Ударов! – Советская Армия освободила Белоруссию; при расформировании отряда командир представил его к ордену Красного Знамени. Но наверху сочли, что это – жирно пацану будет, и ограничились медалью «За Боевые Заслуги».

С этой медалью он пришел в детский дом, чтобы после трехлетнего перерыва пойти в школу, в третий класс.

3. Курсант

Он навсегда привык чувствовать себя совершенно раскованно в любой аудитории – равный среди первых, партизан, а не тыловая крыса. Учиться хуже кого бы то ни было не позволяла гордость, детский мозг наверстывал упущенное: после семилетки он окончил десять классов.

Военрук же в нем просто души не чаял и прочил в отличники военного училища: прямая дорога!

Он ступил на прямую дорогу – пробыл в военном училище неделю, нюхнул казармы, побегал в кирзачах на зарядку, собрал свой чемоданчик и известил начальство, что эта бо-
дыга – не для него. Воевать – это да, с радостью, пострелять – всегда пожалуйста. А уставы пусть зубрят и строем в сортир маршируют те, кто пороха не нюхал. Ему не нравится.

– А что тебе нравится? – спросил бравый полковник, с сожалением листая его личное дело.

– Стрелять, – откровенно сказал Тарасюк.

– В кого ж ты нацелился сейчас, в мирное время, стрелять?

– Ну... нашлось бы. Мне вообще оружие нравится.

– Так может, тебе надо учиться на инженера и идти работать на оружейный завод? Так, что ли?

– Оно мне нравится не в смысле быть оружейным мастером... еще не хватало! я бойцом был, а не ремонтником. Во-

обще нравится... дело с ним иметь.

– И как же ты хочешь иметь с ним дело?

– Вы стрелять умеете?

Задетый фронтовик-полковник повел зарвавшегося мо-
локососа в тир, довольный случаю. И там из своего вальте-
ра в генеральском хромированном исполнении (трофейные
пистолеты у офицеров еще не изъяли) исправно выбил 29.

– Хорошие у немцев машинки, – заметил воспитуемый
курсант. – Но для дела я предпочитал чешскую «Шкоду» –
в руке удобнее, и скорость у него выше: через пряжку рем-
ня навывлет бил! Пуля стекло проходит – даже трещинок нет,
ровная такая дырочка. – Он принял поданный рукоятью впе-
ред, по правилам хорошего тона, вальтер, и оставшиеся в
обойме пять пуль посадил одна в другую.

– *Ну ты бял ничо*, — сказал полковник.

– У американского кольта-32 скорость самая высокая, –
продолжал Тарасюк. – Что входное отверстие, что выходное.
Через бумагу стреляешь – лист не шелохнется, кружочек как
вырезан. Хотя король точности и боя, конечно, маузер, но
стволоина такая, и магазин, – громоздок слишком.

– Подкованный курсант, – признал полковник. – Все, или
еще что имеешь доложить?

Поощренный Тарасюк вольно расстегнул воротничок
гимнастерки.

– Вот это, к примеру, не нож, – охотно вел он лекцию,
ткнув пальцем в штык-нож, болтающийся на поясе сержан-

та-дежурного.

– Разрешите обратиться, товарищ полковник? – сказал сержант. – Дайте мне молодого для уборки помещения – к подъему верну как шелкового! умный...

– Сталь у штыка отпущенная, мягкая – чтоб в теле не сломался; поэтому лезвие жала не держит, резать им невозможно, – убыстрил речь Тарасюк. – Рукоятка неудобная и в руке скользкая, а в работе кровь попадет – будто вообще как намыленная. И не уравновешен нисколько, кидать его вообще без толку.

– В советники Генштаба аттестовать тебя не уполномочен, – сказал полковник. – Ты б им, конечно, объяснил, каким должен быть нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.